

С того дня Цинь Хуань стал пугающе молчалив.

Он начал есть и спать, но улыбка больше никогда не озаряла его лицо. Двери его дома, прежде всегда распахнутые настежь, теперь были плотно заперты. Сколько бы я ни проходил мимо, сколько бы ни пытался достучаться — никто не отзывался. Со временем и соседи притихли, перестав заглядывать к нему.

— Это болезнь сердца. Если он сам не выберется из этой тени, то так и проживет в ней до конца своих дней, — вздохнул Ху Лай.

Ему с трудом удалось выбраться к нам в крепость, но, получив от Цинь Хуаня от ворот поворот, он притопал к Мо Чэ, чтобы напроситься на обед. Лишняя пара палочек на столе меня не пугала: Мо Чэ с того самого дня, как я поранил руку, возвращался домой минута в минуту, в любую погоду, лишь бы приготовить мне еду и пообедать вместе. Но вот взгляд, которым Ху Лай, поглаживая бородку, в упор разглядывал нас двоих, был по-настоящему колючим.

— Лянь, открой рот, — невозмутимо произнес Мо Чэ. Он уже привык к этой рутине и кормил меня так, словно рядом никого не было.

Под пристальным взглядом Ху Лая мне стало не по себе. Я с силой откусил предложенную порцию риса, сердито посмотрел на доктора и буркнул:

— Чего уставился?

Ху Лай расплылся в своей излюбленной лисьей усмешке.

— Эх, мне бы тоже так хотелось... чтобы кто-нибудь кормил с рук... — протянул он, игриво вертя в пальцах палочки.

— К жене своей иди, — огрызнулся я.

Ху Лай безнадежно махнул рукой.

— Мы поссорились... Вчера она весь день ничего не готовила. Просить её покормить меня сейчас — это всё равно что смерти искать.

Так вот почему наш вечно спешащий домой Ху Лай сегодня примчался к нам. Жена оставила его на голодном пайке. Я не сдержал ехидной улыбки.

— Признавайся, чем ты её обидел? Она ведь такая замечательная женщина.

— Пфе! А я-то тут при чём? Сама она мелочная, а на меня валит! — Ху Лай в сердцах закинул в рот добрую горсть риса.

— Мелочная?

— Да вчера в обед я возьми и скажи, что суп пересолен. Так она заявила, что мне не угодишь, и начала припоминать всё подряд, вплоть до того, что случилось несколько сотен лет назад... — Он горестно вздохнул. — Воистину, с женщинами и мелкими людишками труднее всего поладить. Теперь-то я это окончательно понял.

Прожевав, я с напускным сочувствием заметил:

— Кто бы мог подумать. Ху Лай, так тебе и надо.

Жена Ху Лая была женщиной добродетельной, прямолинейной и очень приветливой, но стоило им сойтись вместе, как они начинали пикироваться и осыпать друг друга колкостями. Впрочем, чем сильнее они ругались, тем крепче, казалось, становились их чувства. Ху Лай хоть и ворчал, на деле был у жены под каблуком — то спину ей разотрет, то плечи помнет, хотя сам всегда упорно называл это «лечебным массажем».

Если нет чувств, никакие оковы не удержат хитрую лису. Что же это за чувство такое? Мне было чертовски любопытно.

В этот момент Мо Чэ снова поднес палочки к моим губам. Я открыл рот и посмотрел на него. В его мягких глазах, казалось, плясали смешинки. Сердце снова предательски затрепетало.

Ху Лай посмотрел на нас и, решив испортить момент, обратился к Мо Чэ:

— Послушай, парень, мой тебе совет: не балуй этого Сяо Байляня. Будешь к нему слишком добр — он совсем голову потеряет, начнет наглеть и помыкать тобой, точь-в-точь как моя благоверная.

Я вскинул брови, испепеляя Ху Лая взглядом, а потом невольно обернулся к Мо Чэ. Тот промолчал, лишь аккуратно вытер пятнышко соуса у меня в уголке рта. Заметив, что я смотрю на него, он вдруг смущенно отвел взгляд. Мне захотелось подойти и легонько укусить его за плечо. В последнее время подобные желания возникали всё чаще, и... кажется, это был дурной знак.

Когда Ху Лай ушел, а Мо Чэ занялся посудой, я примостился рядом и долго наблюдал за его движениями. Наконец не выдержал:

— Мо Чэ, я что, и правда такой наглый?

Он замер, посмотрел на меня, и его щеки мгновенно залил густой румянец. Я аж губой дернул. Я что, сказал что-то непристойное? С чего он так вспыхнул?

Видя, как он судорожно сжимает тряпку, а губы беззвучно шевелятся, я махнул рукой:

— Ладно, забудь. Сдался тебе этот вопрос. Ведешь себя как молодая жёнушка в брачную ночь!

— Можно, — спустя вечность выдавил он два слова, от которых в моей голове возник ворох вопросов.

— Что «можно»? Ты не мог бы не обрывать фразы на середине?

Словно собрав в кулак всё своё мужество, Мо Чэ развернулся ко мне всем телом и, пылая лицом, выпалил:

— Отныне ты... ты можешь наглеть со мной сколько угодно!

Обычно он говорил тихо и кротко, и этот внезапный «львиный рык» так меня ошеломил, что я едва не свалился с табурета. Мо Чэ тут же бросился ко мне, но я выставил руки, останавливая его:

— Стой, стой! Не подходи, у тебя руки в жиру. Я сам встану.

Он резко отдернул руки, но краска с лица так и не сошла. Не знаю, передается ли смущение по воздуху, но от того, что он был так близко, мои щеки тоже начало печь. Я поспешно отряхнулся и буркнул:

— Пойду... проветрюсь немного.

День клонился к закату, тени становились длиннее. Цепь изумрудных хребтов окрасилась в нежно-золотистые тона угасающего солнца. Самого светила уже не было видно, лишь по вьющимся столбам дыма над крышами можно было понять, что наступили сумерки. Я прошел мимо дома Цинь Хуаня — двери всё так же были заперты. Тяжело вздохнув, я двинулся дальше.

По пути мне встречались люди, возвращающиеся с полей. Видимо, наглядевшись на «бессмертных» из школы Умин, они уже не воспринимали меня как некое чудо, а потому здоровались просто и радушно. Если бы только они не донимали меня двусмысленными вопросами о Мо Чэ.

— Сяо Байлянь, опять один гуляешь? Смотри, Первый глава рассердится, по голове настучит, когда вернешься.

— Не посмеет.

— Ой-ой, это еще почему же не посмеет?

—...

И всё в таком духе. Не понимаю, почему все эти бездельники с такими ехидными рожами пристают ко мне? У меня и самого-то ответов нет. Но стоило признать: этот человек и впрямь внушал мне необъяснимую уверенность. Настучит по голове? Он? Да он даже прикоснуться ко мне боится, так нервничает!

Задумавшись, я пинал траву и незаметно для себя забрел за пределы крепости. Только собрался повернуть назад, как вдруг услышал впереди какой-то шум. Небо еще не совсем потемнело, так что я бесшумно скользнул к источнику звука и затаился в густых зарослях.

В тусклом свете сумерек я увидел юношу. С мечом в руках он сосредоточенно отрабатывал приемы. Весь в поту, лицо застыло каменной маской, походка твердая. Каждое движение выверено, каждый выпад пропитан стремлением к жестокому совершенству. Увидев его со спины, я порывался окликнуть его по имени, но передумал. Лучше не мешать.

Я замер на дереве, наблюдая. Его энергия меча казалась мрачной и безжалостной, а сами приемы — странными и непривычными. Вокруг него на земле лежали срубленные ветви; срезы были рваными, но почти гладкими. Должно быть, он тренировался не покладая рук: его мастерство заметно выросло с нашей последней встречи.

Я невольно улыбнулся. Вот, значит, куда он пропадал. Он не замкнулся в себе и не разочаровался в жизни, он ковал свою силу в тайне. Это был хороший знак.

Когда последние отблески заката угасли и на землю пролился мертвенно-бледный лунный свет, Цинь Хуань вложил меч в ножны и, отерев лоб, ушел. Убедившись, что он скрылся из виду, я тоже собрался спускаться, но затекшие ноги подвели. Запутавшись в ветках, я не удержался и с глухим стуком мешком рухнул на землю, приложившись лицом прямо в грязь.

«Слава богам, — пронеслось в голове. — Слава богам, что сейчас темно и Цинь Хуань уже ушел, иначе такого позора я бы не пережил!»

Я уже хотел подняться, как вдруг совсем рядом раздался тихий, исполненный насмешки смех. Подняв голову, я увидел того, кто смеялся. Он стоял передо мной, неизвестно когда появившись.

Сперва я увидел изящные сапоги из темного шелка, затем — расшитое узорами персиковых лепестков черное одеяние, открывающее острые ключицы. Несобранные волосы черной волной рассыпались по груди, подчеркивая соблазнительные линии тела. А выше... выше были тонкие, изогнутые в усмешке губы и изумрудные глаза, в которых дрожали лукавые искры.

— И чего ты смеешься? — огрызнулся я. Стыдно было, что меня застучали в таком виде, но еще обиднее, что это был самый невыносимый тип в мире.

Фэнхуа наклонился и коснулся пальцем моего подбородка. В нос ударил тонкий аромат.

— Смеюсь над тем, какой ты дурачок.

Я яростно замахал руками:

— Дурачок и ладно, тебе-то какое дело!

Ловким движением он перехватил мои ладони и легко, словно пушинку, поднял меня с земли. Провел длинным пальцем по моей нижней губе и тихо хмыкнул:

— Язык у тебя совсем не святой. Называешь себя бессмертным, а сам — позор для всего Небесного воинства. Твои собратья, эти чопорные святоши, небось и не догадываются, что среди них завелось такое чудо.

Я со всей силы толкнул его в грудь, но Фэнхуа даже не пошевелился.

— Пусти. Мне с тобой говорить не о чем, — холодно бросил я.

Но он только сильнее сжал мои руки, едва не лишая их чувствительности. В его «персиковых» глазах промелькнула напускная обида.

— Тебе со мной говорить не о чем, а вот мне с тобой — есть.

От его тона у меня внутри всё сжалось.

— О чем это?

Он посмотрел на меня пронзительно, как бездонный омут.

— Лянь-эр, меня бросили...

«Так тебе и надо! — радостно возопила душа. — Поделом тебе, ветреный персиковый демон!»

Сердце ликовало, но лицо я сохранил каменным:

— Ох, не бери в голову. То, что он вовремя прозрел — это его счастье.

Внезапно он обнял меня. Шелковистые пряди его волос скользнули мне за шиворот, невыносимо щекоча кожу. Я нахмурился, но, видя его «горе», решил не добивать сразу, а притворно посочувствовал:

— Ну, в жизни всякое бывает: встречи, разлуки... Раз расстались — значит, не судьба. Ты парень видный, найдешь себе другую жертву...

Договорить я не успел. Фэнхуа вдруг прикусил мочку моего уха и недовольно проворчал:

— Это всё из-за тебя.

Из-за меня?! Тебя бросили, а виноват я? Это в какое такое великое событие я умудрился вляпаться, сам того не зная? Где справедливость!

Я возмущенно посмотрел на него, но в его глазах застыла неподдельная тоска. Перебирая пальцами мои волосы, он прошептал:

— Если бы ты меня не соблазнил, я бы не оказался в таком положении. На кого мне еще жаловаться, если не на тебя?

Я аж воздухом поперхнулся.

— Кто еще кого соблазнил?!

— Ты. Соблазнил меня, — безапелляционно заявил он.

— Ты!..

Он перехватил мой подбородок и тонко улыбнулся:

— Раз уж так вышло, придется мне пойти на жертву.

И он накрыл мои губы своими.

Я принялся брыкаться и колотить его кулаками, извиваясь всем телом, и лишь чудом сумел отстраниться:

— Кончай нести чепуху! Жертву он приносит, ишь чего выдумал! Иди куда шел, не хочу я иметь с тобой ничего общего!

— Но как же так? Мы ведь той ночью разделили супружеское ложе. Как можно говорить, что между нами ничего нет? — Он смотрел на меня так же, как когда-то у пещеры Шуйин, когда изводил своими шуточками.

Скрепя сердце, я соврал:

—...Вообще-то я ту ночь почти не помню.

— Вот как? — Он хищно улыбнулся, придвигаясь ближе. — Не беда. Сейчас устроим так, что ты всё запомнишь в мельчайших деталях...

В ужасе я попытался оттолкнуть его, но он держал крепко. Пришлось лихорадочно менять тему:

— Фэнхуа, подожди!

— Ну что еще? — недовольно замер он.

—...Ты... ты должен мне рассказать... тот, кто тебя бросил... Как его зовут? Где живет? Живы ли родители? Богат ли он? Владеет ли землями?

— Зачем тебе это? — Он забавно выгнул бровь.

— Как зачем? Вступлюсь за тебя! Найти такого редкостного... кхм, красавца, и бросить? Да он явно страх потерял, жить надоело!

Фэнхуа легонько щелкнул меня по лбу.

— Не нужно за меня заступаться.

— Это еще почему?

Он улыбнулся, и эта улыбка была дьявольски красива.

— Потому что... я его уже съел.

Чего?! У меня челюсть отвисла.

— Съ... съел?

— Подумаешь, — небрежно бросил он. — У того медведя было пять тысяч лет практики. Я давно на него заглядывался. Правда, шкура у него оказалась слишком толстой, а мясо — жестким и безвкусным.

Меня пробрал озноб. Я вспомнил, что демоны, желая быстро обрести силу, пожирают друг друга. Победитель поглощает поверженного врага вместе с его сущностью. Фэнхуа был демоном. И я знал, что он занимался этим с самых малых лет...

Я невольно задрожал и посмотрел на него:

— Ты... ты что, решил сменить диету и переключиться на богов? У меня... у меня практика совсем крошечная...

С этими словами я выхватил Шпильку Управления Ветром, собираясь дать деру, но он молниеносно перехватил мою лодыжку и снова втянул в свои объятия.

— Глупыш, куда ты собрался? Если бы я хотел тебя съесть, я бы сделал это еще в прошлый раз, когда ты — бессердечное создание — выпил мою энергию и как ни в чем не бывало укатил. Зачем мне ждать до сегодня?

— Тогда зачем ты здесь?..

— Сказал же — приносить жертву, — он снова выгнул бровь и ловко отобрал мою шпильку. Похоже, возвращать её он не собирался.

Я в ярости вцепился в его одежду, требуя отдать артефакт, но он был непреклонен.

— Да что же вы все повадились воровать мои вещи! — в сердцах выкрикнул я.

— Мы? — В глазах Фэнхуа что-то мелькнуло.

Я не обратил на это внимания, продолжая сражаться за шпильку:

— С твоей-то силой зачем тебе моя деревяшка? Без нее я вообще колдовать не смогу!

Он ласково коснулся моих волос и мягко улыбнулся:

— Вечно у тебя на голове воронье гнездо. Разве так должен выглядеть бессмертный?

Он поднял шпильку, внимательно осмотрел её, а затем легким движением собрал мои спутанные пряди. Умело и бережно он уложил мои волосы и собственноручно заколол их Шпилькой Управления Ветром. Его движения были на удивление ловкими. Закончив, он нежно провел пальцами по заколке и тихо рассмеялся:

— Не так давно я видел рисунок этой шпильки в руках одного человека. Мне показалось, что я уже где-то её встречал. Лишь вернувшись в пещеру Шуйин, я вспомнил: три тысячи лет назад ты спустился в мир смертных именно с ней. И волосы у тебя тогда были такие же лохматые. Ужас просто.

—...О чем ты вообще говоришь?

Он покачал головой и крепче прижал меня к себе.

— Прошло столько лет, а ты так и не научился причесываться. Бестолковый маленький дурачок.

«Тебе-то какая разница!» — хотел я крикнуть, но не успел: он мимолетно, словно крылом бабочки, коснулся моих губ поцелуем.

— На сегодня хватит. Зайду к тебе как-нибудь в другой раз.

С этими словами он растворился в тенях леса, исчезнув без следа.

В ту же секунду я услышал в кустах неподалеку шорох. Мгновение — и передо мной вспыхнуло алое лезвие меча, которое тут же начало тускнеть.

— Лянь? — Мо Чэ выглядел крайне удивленным.

При свете луны он посмотрел на свой меч, затем перевел взгляд на меня и тихо спросил:

— Лянь... ты здесь никого не видел?

Видел, конечно, но... интуиция подсказывала, что лучше промолчать. Я изо всех сил замотал головой:

— Нет, никого. Совсем никого.

Он подошел и взял меня за руку. Я почувствовал, как он едва заметно принюхался. Он посмотрел на меня ледяным взглядом.

— Правда? — спросил он снова.

Врать было нехорошо, но Фэнхуа — демон, а Мо Чэ — заклинатель. Сказать правду означало устроить кровавую баню. Я серьезно закивал, подтверждая:

— Честное слово, ни единой души.

Мо Чэ ничего не ответил. Его лицо, наполовину скрытое тенью, в холодном лунном свете казалось чужим и мрачным. Лес наполнился зловещим шепотом ветра. Мне стало не по себе.

Наконец он потянул меня за собой и глухо произнес:

— Пошли домой.

—...М-м, — послушно отозвался я, не смея поднять глаз.

<http://bllate.org/book/17534/1704432>